

Л. К. Круглова

Государственный университет морского и речного флота
имени адмирала С. О. Макарова, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Проблема трансформации восточных культур в контексте евразийства

В статье анализируется современный процесс трансформации восточных культур, рассматриваемый в аспекте евразийского идейного наследия, в котором автор выделяет два смысловых пласта: проблему общечеловеческой культуры и проблему европеизации. Автор приходит к выводу, что происхождение евразийской идеи о невозможности общечеловеческой культуры имеет своё историческое объяснение, но в настоящее время она может и должна быть признана неправомерной. Теоретически это можно доказать с помощью аргументов самих евразийцев, которые усматривали назначение культуры в том, чтобы удовлетворять потребности различных человеческих сообществ. В соответствии с этим вопрос о возможности общечеловеческой культуры сводится к тому, есть ли у человечества общие потребности. В настоящее время утвердительный ответ на этот вопрос очевиден. Следовательно, столь же очевидна не только возможность, но и необходимость общечеловеческой культуры. Аргументы фактического плана, направленные против евразийской идеи о невозможности общечеловеческой культуры, можно усмотреть в реалиях современного процесса трансформации восточных культур. Важнейшая из них заключается во всё более возрастающей открытости восточных культур трендам мирового культурного развития. Как показывают факты, это одновременно способствует и формированию общечеловеческой культуры, и сохранению своеобразия восточных культур. Вместе с тем автор статьи отмечает, что комплекс евразийских идей о негативных последствиях бездумной европеизации следует признать полностью сохранившим свою актуальность. В статье делается вывод, что бережное отношение к основам традиционной культуры, характерное для трансформационных процессов в странах Востока, способствует сохранению не только культурного, но и цивилизационного своеобразия. При этом автор отмечает, что как идея культурного своеобразия не противоречит идее общечеловеческой культуры, так и идея цивилизационного своеобразия не противоречит ни идее мультицивилизационной идентичности, ни идее глобализации с человеческим лицом.

Ключевые слова: трансформация восточных культур, евразийство, общечеловеческая культура, культурное своеобразие, цивилизационное своеобразие, цивилизационная идентичность, мультицивилизационная идентичность, глобализация с человеческим лицом, универсальный гуманизм.

L. K. Kruglova

Admiral Makarov State University of Maritime and River Fleet, Saint-Petersburg,
Russian Federation

The Issue of Eastern Cultures Transformation in the Context of Eurasianism

The article analyzes the modern process of transformation of Eastern cultures considered in the aspect of the Eurasian ideological heritage, in which the author identifies two semantic layers: the problem of universal culture and the problem of Europeanization. The author comes to the conclusion that the origin of the Eurasian idea of the impossibility of universal culture has its own historical explanation, but at present it can and should be recognized as illegitimate. Theoretically, this can be proved using the arguments of the Eurasians themselves who saw the purpose of culture in meeting the needs of various human communities. In accordance with this, the issue of the possibility of a universal culture is reduced to the question of whether humanity has common needs. At present, the need for an affirmative answer to this question is obvious. Therefore, not only the possibility, but also the necessity of universal culture are obvious. The arguments of the actual plan, directed against the Eurasian idea of the impossibility of universal culture, can be seen in the realities of the modern process of transformation of Eastern cultures. The most important of them is the increasing openness of Eastern cultures to the trends of world cultural development. As the facts show, this simultaneously contributes to the formation of universal culture, and the preservation of the uniqueness of Eastern cultures. However, the author of the article notes that the complex of Eurasian ideas about the negative consequences of thoughtless Europeanization should be recognized as fully preserved in its relevance. The article concludes that the careful attitude to the basics of traditional culture, characteristic of the transformation processes in the East, contributes to the preservation of not only cultural, but also civilizational identity. At the same time, the author notes that the idea of cultural identity does not contradict the idea of universal culture and the idea of civilizational identity does not contradict either the idea of multicivilizational identity, or the idea of globalization with a human face.

Keywords: transformation of Eastern cultures, Eurasianism, universal culture, cultural originality, civilizational identity, civilizational originality, multicivilizational identity, globalization with a human face, universal humanism.

Введение. Трансформация восточных культур – это один из самых ярких процессов, происходящих в современном мире. Он имеет множество аспектов теоретико-познавательного и практического плана.

Важнейший из них – необходимость изучения самого процесса трансформации восточных культур, другой – выявление позитивных и негативных сторон этого процесса с целью усиления первых и устранения вторых. Этот аспект проблемы трансформации восточных культур значительно расширяет её диапазон, поскольку возникает вопрос о том, что считать позитивным, а что негативным в этом процессе, и каковы пути решения практических задач, т. е. усиления позитивных, прогрессивных сторон процесса трансформации восточных культур и сведения к минимуму его негативных сторон.

И наконец, главный вопрос, который возникает в связи с изучением процесса трансформации восточных культур, заключается в том, насколько эта проблематика связана с решением тех задач, которые стоят перед современной Россией.

Ситуации такого рода всегда обостряют интерес к идейному наследию, к тем поискам, находкам и, что не менее важно, ошибкам, которые уже имели место в прошлом, при постановке аналогичных проблем.

В этом смысле особый интерес представляет евразийская концепция, отношение к которой и состояние которой в настоящее время вполне уместно обозначить словами «ренессанс», «возрождение». Одним из доказательств этого могут служить труды Евразийских научных форумов, последний из которых, одиннадцатый, состоялся в декабре 2019 года в Санкт-Петербурге [1; 2].

Из богатого евразийского наследия имеет смысл выделить два вопроса, уяснение которых имеет прямое отношение к проблеме трансформации восточных культур.

Это, во-первых, вопрос об общечеловеческой культуре, её возможности, желательности или нежелательности. Он приобретает особую остроту на фоне признания необходимости сохранения яркого своеобразия восточных культур.

И второй вопрос, тесно связанный с первым, – это вопрос о европеизации и её роли в развитии восточных культур.

Методы исследования, теоретическая база. Специфика заявленной проблематики потребовала применения соответствующих специально-научных и общенаучных методов и в первую очередь широкого спектра методологических принципов и приемов, необходимых для исследования историко-философского материала. Важнейшим из них является принцип оценки элементов идейного наследия как в контексте исторической обстановки их появления, так и в контексте современности.

Культурологическая направленность исследования обусловила необходимость применения герменевтического метода, поскольку изучение культуры невозможно вне связи с процессами вживания, переживания, понимания, что и является ядром герменевтической методологии.

В ходе решения поставленных исследовательских задач потребовалось также применение компаративистской методологии, поскольку речь шла о необходимости сопоставления западных и восточных культур, культуры России и общечеловеческой культуры.

Необходимость конкретизации представлений о направлениях трансформации восточных культур обусловила правомерность использования авторских методологических конструктов: концепта «антропологическая структура культуры» и концептуальной схемы структуры сущностных сил человека [3; 4].

Результаты исследования и их обсуждение

1. Трансформация восточных культур и проблема общечеловеческой культуры в контексте евразийства. Проблема общечеловеческой культуры связана с проблемой трансформации восточных культур весьма парадоксальным способом, поскольку прямой путь от проблемы трансформации восточных культур ведёт к проблеме своеобразия восточных культур в целом и каждой из них в отдельности, что, казалось бы, лежит в стороне от проблемы общечеловеческой культуры. Однако на самом деле именно обострение интереса к специфике восточных культур и процессу их трансформации придает неожиданную новизну и свежесть вопросу о том, насколько справедливо давно ставшее знаменитым изречение Киплинга «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись», которое является ни чем иным, как решительным отрицанием возможности общечеловеческой культуры и вместе с тем привлекает внимание к этой проблематике. Евразийская концепция в этом плане представляется весьма интересной.

Обращаясь к ней, в первую очередь надо отметить, что для всего евразийства характерно отрицание общечеловеческой культуры и представление о том, что общечеловеческая культура и разнообразие культур – две вещи несовместные [5]. Логическую аргументацию этого тезиса и её уязвимость можно проследить на примере Н. С. Трубецкого, одного из основателей евразийства, и Л. Н. Гумилёва, который сам себя называл «последним евразийцем».

Ключевым моментом культурфилософского обоснования евразийства является у Н. С. Трубецкого данное им определение культуры, которая понимается им как «...исторически непрерывно меняющийся продукт коллективного творчества прошлых и современных поколений данной социальной среды, причем каждая отдельная культурная ценность имеет целью удовлетворение определённых потребностей всего данного социального целого или входящих в его состав индивидов» [6, с. 329].

При этом Н. С. Трубецкой признаёт, что любая культура «...производит в пределах данного социального целого нивелировку индивидуальных различий его членов... В результате на всей культуре лежит отпечаток некоторого среднего психического типа» [6, с. 329]. Однако далее Н. С. Трубецкой делает еще один логический ход, который, по его представлениям, неукоснительно приводит к отрицанию общечеловеческой культуры. Так, он утверждает: «Если представить себе культуру, творцом и носителем которой является все человечество, то ясно, что безличность и расплывчатость в такой культуре должны быть максимальными. Вкусы и убеждения у всех людей различны, но логика у всех одна, и материальные потребности в питании, экономии труда и т. д. тоже у всех более или менее одинаковы. Поэтому ясно, что в однородной человеческой культуре логика, рационалистическая наука и материальная техника всегда будут преобладать над религией, этикой и эстетикой, что в этой культуре интенсивное научно-техническое развитие неизбежно будет связано с духовно-нравственным одичанием» [6, с. 329].

Что касается Л. Н. Гумилёва, то надо отметить, что взгляды Н. С. Трубецкого относительно общечеловеческой культуры ему представлялись ещё недостаточно радикальными.

Последний евразиец говорил: «Необходимо дополнить рассуждения Н. С. Трубецкого данными современной советской науки и сделать вывод, не сделанный самим учёным: общечеловеческая

культура, одинаковая для всех народов, невозможна, поскольку все этносы имеют разный вмещающий ландшафт и различное прошлое, формирующееся как во времени, так и в пространстве. Культура каждого этноса своеобразна, и именно эта мозаичность человечества как вида придает ему пластичность, благодаря которой вид *homo sapiens* выжил на планете Земля» [7, с. 36].

В этом высказывании Гумилева нужно выделить несколько смысловых рядов: это, во-первых, плодотворная мысль о том, что именно разнообразие культур придает человечеству ту пластичность, благодаря которой вид *homo sapiens* выжил на планете, во-вторых, идея о том, что разнообразие культур связано с разностью вмещающих ландшафтов и исторического прошлого тех или иных этносов, и, наконец, идея о том, что общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, невозможна. На первый взгляд, этот последний тезис логически связан с первыми двумя, однако на самом деле это далеко не так. Чтобы это доказать, надо обратиться к определению культуры, данному Н. С. Трубецким, о чем речь шла ранее. Его смысловое ядро заключается в том, что культура имеет целью удовлетворение потребностей всего социума. Соответственно, главный вопрос, связанный с проблемой общечеловеческой культуры, это вопрос о том, есть ли у человечества общие потребности.

В современных условиях необходимость утвердительного ответа очевидна. При этом способы удовлетворения потребностей могут быть разными, кроме того, у разных народов могут быть и специфические потребности, связанные с их историей и условиями существования. Таким образом, складывание общечеловеческой культуры вовсе не обязательно связано с уничтожением разнообразия культур.

Другой аргумент, направленный против идеи общечеловеческой культуры и заключающийся в том, что основой своеобразия этнических культур является «вмещающий ландшафт», может служить не опровержением, а доказательством необходимости общечеловеческой культуры, поскольку у всего человечества есть единый «вмещающий ландшафт» – планета Земля. При всем разнообразии природных условий на планете есть в них нечто общее, что делает землю пригодной для существования вида “*homo sapiens*”, а это делает возможным и необходимым и культурное единство, т. е. общечеловеческую культуру.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что трансформация восточных культур в сторону усиления черт их своеобразия вовсе не обязательно ведет к их отделению друг от друга и от общечеловеческой культуры. Всё дело в том, какие именно черты своеобразия получают поддержку, а какие, напротив, блокируются как ведущие к изоляции и разрыву с мировыми трендами развития.

Так, одной из самых ярких сторон процесса трансформации восточных культур является их открытость миру, пришедшая на смену изоляционизму, характерному для многих веков их предшествующего развития. В результате многие из характерных явлений восточных культур, начиная от кухни и моды и заканчивая философскими идеями, оказались органично вплетены в ткань мировой и, следовательно, общечеловеческой культуры. Таким образом, реальный процесс трансформации восточных культур наглядно демонстрирует уязвимость позиции евразийцев, отрицавших возможность общечеловеческой культуры на том основании, что она якобы несовместима с разнообразием культур. Однако обращение к этой проблеме необходимо не для того, чтобы уличить в ошибках представителей евразийского движения, а для того, чтобы показать необоснованность взглядов их современных последователей относительно невозможности общечеловеческой культуры.

При этом надо иметь в виду и исторические обстоятельства генезиса и развития евразийских идей – это 20–30-е годы XX столетия, т. е. время, когда тяжело переживались последствия Первой мировой войны и остро ощущалось приближение Второй. В этих условиях возможность общечеловеческой культуры действительно представить себе было очень трудно. Что касается Л. Н. Гумилёва, который, как говорилось ранее, считал себя «последним евразийцем», то надо признать, что на его позицию не могла не повлиять Вторая мировая война и её последствия, когда идея общечеловеческой культуры могла казаться не менее, а, наоборот, ещё более утопичной, чем в двадцатые и тридцатые годы.

Однако ситуация 90-х годов XX столетия – времени возрождения интереса к евразийству – и особенно обстоятельства первых двух десятилетий XXI века позволяют выдвигать против евразийской идеи отрицания общечеловеческой культуры аргументы не только логического, но и фактического содержания.

Первый из них – реалии процесса глобализации, который на деле имеет своим следствием не только стирание различий между разными культурами, но и невиданный ранее всплеск интереса к разнообразию культур. Как известно, этот процесс получил название «глокализация».

Другой фактический аргумент относительно возможности общечеловеческой культуры, которого не могло быть в поле зрения евразийцев первой волны, – это реалии процесса трансформации восточных культур, ставшие особенно заметными в первые два десятилетия XXI века. Об этом шла речь ранее.

2. Трансформация восточных культур и проблема европеизации в контексте евразийства. Для оценки исторического значения процесса трансформации восточных культур имеет смысл рассмотреть ещё один аргумент евразийцев, направленный против идеи общечеловеческой культуры. Он заключается в том, что за общечеловеческую культуру зачастую выдается западноевропейская культура. В ответ на это Н. С. Трубецкой выдвигает совершенно бесспорный тезис: «Европейская культура не есть культура человечества» [8, с. 59]. Однако, соглашаясь с этим тезисом, вовсе не обязательно отрицать при этом общечеловеческую культуру, поскольку ее необходимость и возможность доказывалась, как говорилось выше, потребностями человечества как целого, и поэтому настойчивые попытки выдать европейскую культуру за общечеловеческую могут дискредитировать идею общечеловеческой культуры, но не могут ее опровергнуть.

Надо отметить, что проблема европеизации как якобы обязательного условия прогрессивного развития национальной культуры привлекала особое внимание Н. С. Трубецкого. Как нетрудно заметить, в современных условиях она не только не потеряла своей актуальности, но приобрела особую остроту и значение, причем не только, а, быть может, и не столько теоретическое, сколько сугубо практическое.

Представляется, что в связи с этим имеет смысл более подробно рассмотреть доводы Н. С. Трубецкого относительно проблемы европеизации. Наиболее существенный из них заключается в том, что «роковым законом» развития европеизирующегося народа является его «отсталость» от «романогерманцев» [8, с. 95–96]. В пользу этого вывода Н. С. Трубецкой приводит множество доказа-

тельств. Одним из них является то обстоятельство, что, пока европеизирующийся народ осваивает ценности европейской культуры, европейцы успевают создать новые ценности, и таким образом европеизирующийся народ опять оказывается отстающим.

Одним из самых тяжелых последствий европеизации Н. С. Трубецкой считает уничтожение национального единства европеизирующегося народа. На его взгляд, это случается потому, что весь народ может подвергнуться европеизации только в том случае, если он очень немногочислен и слабо дифференцирован. Поэтому более или менее многочисленные народы европеизируются неравномерно: «Большую частью европеизация идет сверху вниз, т. е. охватывает сначала социальные верхи, аристократию, городское население, известные профессии, и затем уже постепенно распространяется и на остальные части народа» [8, с. 93]. Картину дополняет то обстоятельство, что разные поколения в разной степени осваивают европейскую культуру. «Таким образом, в каждый данный момент разные части европеизированного народа, классы, сословия, профессии представляют собой разные стадии усвоения романогерманской культуры...» [8, с. 93]. В результате культура европеизированного народа представляет собой не единое целое, а набор обособленных культурных единиц. А поскольку расчленение нации вызывает социальную напряженность, жизнь и развитие культуры европеизированного народа оказываются обставленными большими затруднениями. «В результате ... этот народ оказывается малопродуктивным: он творит мало и медленно, с большим трудом. Поэтому такой народ, с европейской точки зрения, всегда может рассматриваться как “отсталый”» [8, с. 94]. Но главная беда заключается в том, что этот народ и сам принуждён смотреть на себя совершенно так же. Неуважение к себе сказывается и на отношении к своей истории, в которой «...все, что противоречит европейской культуре, представляется злом, показателем косности и отсталости... Постепенно народ приучается презирать все свое самобытное, национальное» [8, с. 94].

Кульминация смысла всех доказательств вредоносности бездумной европеизации заключается в словах Трубецкого о том, что отсутствие веры в себя как следствие описанных выше процессов «...является большим минусом в борьбе за существование» [8, с. 95], поскольку постоянные сетования по поводу отсталости от За-

пада резко снижают уровень социальной энергетики и тем самым затрудняют прогрессивные преобразования в европеизирующейся стране.

Сам Н. С. Трубецкой ответ на вопрос о том, как бороться с «кошмаром неизбежности всеобщей европеизации» [8, с. 100], видел в том, чтобы неромано-германские народы, «...смотря на романо-германскую культуру лишь как на одну из возможных культур, взяли из нее только те элементы, которые им понятны и удобны, и в дальнейшем свободно изменяли эти элементы применительно к своим национальным вкусам и потребностям...» [8, с. 101].

Представляется, что это суждение Н. С. Трубецкого можно рассматривать как точную формулировку ответа на вопрос о том, как нужно относиться к проблеме европеизации.

Анализируя с этих позиций современный процесс трансформации восточных культур, надо отметить, что в большинстве случаев он являет собой пример органичного сочетания основ традиционных культур с элементами европейской и, шире, западной культуры. Более того, можно с уверенностью говорить о том, что прививка отдельных элементов западной культуры к мощному стволу восточных культур буквально возродила многие восточные культуры, придавая им невиданный ранее динамизм.

Конкретизировать представления о направлениях трансформации восточных культур можно с помощью методологических конструктов, построенных на основе идеи о принципиальной двойственности человека. Это авторский концепт «антропологическая структура культуры» и концептуальная схема структуры сущностных сил человека [3; 4].

Анализ исторического материала показывает, что определяющим моментом в антропологической структуре восточных культур на протяжении веков было бескомпромиссное решение антропологического противоречия «личное» – «общественное» в направлении безусловного доминирования «общественного» над «личным», т. е. доминирования коллективистских начал над индивидуалистическими. В настоящее время для культурной ситуации в странах Востока характерно большее внимание к личным интересам и потребностям человека, однако доминирование «коллективистского», «общественного» над «личным», «общественным» сохраняется. Страны Востока, и в первую очередь Китай, не пошли по пути

тотального разрушения коллективистских начал, чем обеспечили себе возможность устойчивого социально-экономического развития.

То же самое можно сказать о способах решения в восточных культурах антропологического противоречия «субъектное» – «объектное». Традиционный для восточных культур принцип решения этого противоречия заключается в доминировании «объектного», т. е. способности человека быть пластичным объектом внешних воздействий, над «субъектным», т. е. способностью и потребностью быть сознательным источником активности. В настоящее время этот принцип сохраняется, но при весьма заметном увеличении внимания к субъектным свойствам и качествам человека и прежде всего к такому их проявлению, как созидательная, творческая активность.

По аналогии с «субъектным» – «объектным» решается в современных восточных культурах и антропологическое противоречие «индивидуальное» – «универсальное». Как известно, восточные культуры на протяжении веков резко отличались от западных в первую очередь своим отношением к проблеме индивидуальности, которое можно охарактеризовать как «равнодушие», «индифферентность» и тому подобными терминами. В мировоззрении восточного человека доминантную роль всегда играли представления о неких мировых, универсальных началах и закономерностях, перед лицом которых человеческая индивидуальность лишается своего значения. В настоящее время эта доминанта, а точнее, может быть, парадигма, восточной культуры сохраняется, но, как представляется, есть некоторые основания осторожно говорить о несколько большем внимании к индивидуальности.

Таким образом, способ решения антропологических противоречий «личное – общественное», «субъектное – объектное», «индивидуальное – универсальное» в современных восточных культурах характеризуется некоторым смягчением доминирования «общественного», «объектного», «универсального» над «личным», «субъектным», «индивидуальным». Однако в целом восточные культуры сохраняют свои коллективистские основы, что придаёт им большую устойчивость в кризисных ситуациях. Это было отчётливо продемонстрировано в условиях борьбы с пандемией COVID-19, когда именно страны Востока – Китай, Япония, Южная Корея – показали

образцы слаженных коллективных действий, обеспечивших достижение успеха с наименьшими, по сравнению с западными странами, потерями.

Что касается сущностных сил человека, обозначаемых категориями «телесное» – «духовное», «эмоциональное» – «рациональное», «биологическое» – «социальное», то здесь, как представляется, можно констатировать, что отличительной чертой антропологической структуры восточных культур является чёткое обозначение доминирования одной из сторон этих противоположностей при одновременном сохранении значения другой. Так, доминирование духовного над телесным совмещается в восточных культурах с большим вниманием ко всему, что связано с человеческим телом, доминирование эмоционального над рациональным вообще вызывает некоторое сомнение, особенно в китайской культуре, и, наконец, доминирование социального над биологическим совмещается с бережным отношением ко всему природному в человеке, начиная с биологических инстинктов и заканчивая физиологией.

Надо отметить, что именно эти характерные черты привлекают в настоящее время особое внимание к восточным культурам, что можно рассматривать как указание на одну из возможностей обогащения складывающейся общечеловеческой культуры.

Таким образом, анализ процесса трансформации восточных культур на основе методологического потенциала концепта «антропологическая структура культуры» и концептуальной схемы структуры сущностных сил человека даёт весомые доказательства того, что восточным странам удалось и пока удаётся избежать тех губительных последствий европеизации, о которых предупреждали евразийцы. Это может служить хорошим примером для России, которая в 90-е годы XX столетия слишком резко качнулась в сторону Запада, а в первые два десятилетия XXI века вынуждена с большим напряжением выравнивать свой курс.

Представляется, что в реально происходящем процессе трансформации восточных культур следует особо отметить в качестве положительного и достойного подражания примера и такой момент, как использование в качестве эффективных инструментов культуры образов прошлого, настоящего и будущего. Эти инструменты, как и всякие инструменты, могут использоваться как во благо, так и во зло. Так, образы темного прошлого, тоскливого на-

стоящего, туманного будущего (ЗТ) или, ещё хуже, кровавого прошлого, кошмарного настоящего, катастрофического будущего (ЗК) сеют настроения уныния и безнадежности. В результате большая часть общества впадает в состояние апатии, ведет себя крайне пассивно во всех сферах жизни, а другая демонстрирует все пагубные последствия болезненного и деструктивного гиперактивизма.

В противоположность этому образы славного прошлого, счастливого настоящего, светлого будущего (ЗС) способны поднять уровень социальной энергетики на очень высокий уровень, что и происходит во многих странах Востока.

Так, одной из характерных черт процесса трансформации восточных культур является бережное отношение к прошлому. Например, культурная политика КНР выстроена таким образом, что все периоды многотысячелетней истории остаются в народной памяти как звенья одной неразрывной цепи, ни одно звено не вырывается из неё, потому что это неизбежно ведет к обрушению всей цепи. Такое отношение в Китае существует как к событиям и периодам далёкого, так и недавнего прошлого. Например, трезвая оценка негативных сторон деятельности Мао-Цзе-Дуна в Китае не связана с отрицанием всех положительных сторон в жизни страны того периода, когда этот государственный деятель находился у власти. Одним из доказательств этого может служить культурное явление, которое получило название «красный туризм», т. е. организация туристических маршрутов по местам, связанным с жизнью и деятельностью Мао-Цзе-Дуна и с событиями того времени. Известно, что эти маршруты пользуются огромной популярностью.

Наряду с образом славного, достойного всяческого уважения прошлого в Китае настойчиво и плодотворно культивируются образы не менее достойного настоящего и светлого будущего, что является одной из весомых причин тех успехов, которые достигнуты Китаем во всех областях жизни.

Таким образом, можно констатировать, что в процессе культурной трансформации большинству стран Востока в настоящее время удаётся избежать тех негативных последствий бездумной европеизации, о которых так красноречиво говорил один из основателей евразийства Н. С. Трубецкой.

Прямо противоположный пример являет собой современная Украина. Провозгласив лозунг «Украина – це Европа», эта страна от-

нюдь не обогатилась достижениями европейской культуры, ограничилась чисто внешними заимствованиями, что сопровождается культивированием крайних форм национализма. При этом социальная энергетика, в основном деструктивного свойства, питается образами прошлого, построенными на искажении исторической правды, образами настоящего, резко противоречащими действительности, и утопическими по-своему характеру образами будущего.

Обращение к украинской тематике выводит на ещё одну злободневную проблему, каковой является проблема цивилизационной идентичности и, шире, проблема мультицивилизационной идентичности [9]. В случае с Украиной мы имеем дело с болезненным стремлением идентифицировать себя только с европейской цивилизацией и сознательным (или бессознательным) отречением от родственной, корневой, генетической связи с евразийской цивилизацией и с той частью евразийской цивилизации, которой является Россия, российская цивилизация.

Что касается стран Востока, то здесь можно констатировать отсутствие всякой болезненной напряжённости в определении своей цивилизационной идентичности. Все они осознают свою принадлежность к грандиозной восточной цивилизации, одновременно крупнейшие из стран Востока – Китай, Индия, Япония – позиционируют себя и в качестве самостоятельных цивилизаций. При этом все восточные страны активно и с большой пользой для себя используют многие цивилизационные достижения Запада, особенно в области экономики, организации промышленного производства, науки, техники и т. д. и т. п. Благодаря сочетанию этих факторов с особенностями культуры восточные страны при сохранении своего культурного и цивилизационного своеобразия оказываются ближе, чем страны Запада, и к общечеловеческой культуре, и к глобализации с человеческим лицом, т. е. осуществлению наиболее благоприятного для человечества сценария глобализации – построению глобальной цивилизации на основе принципа универсального гуманизма [10].

Заключение. Подводя итоги, следует отметить, что анализ современного процесса трансформации восточных культур в аспекте евразийского идейного наследия имеет большое теоретическое и практическое значение. Так, рациональным зерном культурологической концепции евразийства является идея о культурно-историческом единстве евразийских народов. Однако связь между

этой идеей и отрицанием общечеловеческой культуры, характерная для евразийства, представляется необоснованной. Разорвать ее можно с помощью аргументов самих евразийцев, и в частности Н.С. Трубецкого, который видел предназначение культуры в том, чтобы удовлетворять потребности человеческих сообществ. Одной из главных примет современности является запрос на создание общечеловеческой культуры, призванной выработать принципы, на основании которых возможно удовлетворение потребностей в мирном и безопасном развитии человечества в целом, всех цивилизаций, народов, государств и каждого отдельного человека.

Однако не менее убедительно, чем аргументы теоретического плана, против евразийской идеи о невозможности общечеловеческой культуры свидетельствуют реалии современного процесса трансформации восточных культур. Важнейшая из них заключается в том, что открытость, включение в тренды мирового развития, характерные в настоящее время для большинства восточных культур, не только не привели к стиранию культурных различий, но, напротив, усилили интерес к ним и их значение в формировании общечеловеческой культуры как гармонической целостности, двуединым признаком которой является разнообразие в единстве.

Что касается комплекса евразийских идей о негативных последствиях бездумной европеизации, то, как представляется, его следует признать полностью сохранившим свою актуальность и практическое значение. Соотношение этих идей с реалиями современного процесса трансформации восточных культур показывает, что он идет по наиболее плодотворному пути, на котором заимствование и творческая переработка элементов западной культуры сочетается с сохранением основ национальных культур. В результате большинству восточных стран в процессе культурной трансформации удастся избежать тех негативных последствий бездумной европеизации, о которых предупреждали евразийцы. Главными из них являются презрение к своей истории как не во всем совпадающей с европейской, представление о своём народе как о безнадежно отсталом, вечно стремящемся догнать, но никогда не догоняющем Европу и – шире – Запад, рассматриваемый как образец, которому якобы надо следовать неукоснительно и во всех деталях.

Анализ характера трансформации восточных культур в аспекте евразийства имеет теоретическое и практическое значение ещё и в

том отношении, что он позволяет выявить одну из существенных сторон проблемы глобализации. Она заключается в том, что бережное отношение к традиционным основам культуры в ходе трансформационных процессов способствует сохранению не только культурного, но и цивилизационного своеобразия, поскольку культура, как пронизательно отмечал А. Тойнби, это «душа, кровь, лимфа, сущность цивилизации» [11, с. 292]. Однако при этом как идея культурного своеобразия не противоречит идее общечеловеческой культуры, так и идея цивилизационного своеобразия не противоречит ни идее мультицивилизационной идентичности, ни идее глобализации с человеческим лицом.

Библиографический список

1. Большое евразийское партнёрство: прошлое, настоящее, будущее. СПб., 2018. Т. 1. 424 с.; Т. 2. 440 с.
2. 25-летие евразийской интеграции: истоки, реалии, потенциал : материалы XI Евразийского научного форума. Санкт-Петербург, 19–20 декабря 2019 года. URL: <http://www.miep.edu.ru/science/evraziyskiy-nauchnyy-forum-enf/enf-2019/> (дата обращения: 16.01.2020).
3. Круглова Л. К. Человек и культура. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 397 с.
4. Круглова Л. К. Избранное. Антропологический принцип в культурологии: теория и практика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с.
5. Круглова Л. К. Культурфилософская концепция евразийства в контексте современности: Н. С. Трубецкой // Вопросы культурологии. 2013. № 11. С. 42–48; № 12. С. 52–58.
6. Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смешение языков // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 327–338.
7. Гумилев Л. Н. Историко-философские сочинения князя Н. С. Трубецкого (заметки последнего евразийца) // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 31–54.
8. Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 55–104.
9. Круглова Л. К. Мультицивилизационная идентичность в контексте теории циркумполярной цивилизации // Человек. Культура. Образование. 2019. № 3 (33). С. 99–114.
10. Круглова Л. К. Культура и гуманизм. Универсальный гуманизм как новый цивилизационный принцип // Круглова Л. К. Человек и культура. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 157–167.
11. Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс. Культура. 1996. 667 с.

References

1. *Bol'shoe evraziyskoe partnerstvo: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [The Great Eurasian partnership: past, present, and future]. Saint Petersburg, 2018. vol. 1, 424 p., vol. 2, 440 p. (In Russ.)
2. «25-letie evraziyskoj integracii: istoki, realii, potencial» [25th anniversary of the Eurasian integration: origins, realities, potential]. Available at: <http://www.miep.edu.ru/science/evraziyskiy-nauchnyy-forum-enf/enf-2019/> (accessed 16.01.2020) (In Russ.)
3. Kruglova L. K. *Chelovek i kul'tura*. [Human and culture]. Moscow; St. Petersburg, Center for humanitarian initiatives Publ., 2017. 397 p. (In Russ.)
4. Kruglova L. K. *Izbrannoe. Antropologicheskij princip v kul'turologii: teoriya i praktika* [Favourites. Anthropological principle in cultural studies: theory and practice]. Moscow; St. Petersburg: Center for humanitarian initiatives Publ., 2018. 448 p. (In Russ.)
5. Kruglova L. K. Cultural and philosophical concept of Eurasianism in the context of modernity: N. S. Trubetskoy. *Voprosy kul'turologii* [Questions of cultural studies], 2013, no. 11, pp. 42–48; 2013, no. 12, pp. 52–58. (In Russ.)
6. Trubeckoj N. S. Babylonian tower and the confusion of languages. *Trubeckoj N. S. Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Moscow, «Progress» publishing group, 1995, pp. 327–338. (In Russ.)
7. Gumilev L. N. Historical and philosophical writings of Prince N. S. Trubetskoy (notes of the last Eurasian). *Trubeckoj N. S. Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Moscow, «Progress» publishing group, 1995, pp. 31–54. (In Russ.)
8. Trubeckoj N. S. Europe and humanity. *Trubeckoj N. S. Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Moscow: «Progress» publishing group, 1995, pp. 55–104. (In Russ.)
9. Kruglova L. K. Multicivilizational identity in the context of the theory of circumpolar civilization. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2019, no. 3 (33), pp. 99–114. (In Russ.)
10. Kruglova L. K. Culture and humanism. Universal humanism as a new civilizational principle. *Kruglova L. K. Chelovek i kul'tura* [Human and culture]. Moscow, St. Petersburg: Center for humanitarian initiatives Publ., 2017, pp. 157–167. (In Russ.)
11. Tojnbi A. *Postizhenie istorii* [A study of history]. Moscow, Progress Kul'tura Publ., 1996. 667 p. (In Russ.)